

**75
ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ**

И МЫ ВСПОМИНАЕМ. И НЕ ТОЛЬКО ТЕХ, КТО ВОЕВАЛ, ДОЙДЯ ДО БЕРЛИНА, НО И ТЕХ, КТО ПЕРЕЖИЛ БЛОКАДУ И ПРОШЁЛ ЛАГЕРЯ, ТЕХ, КТО В ТЯЖЕЛЕЙШИХ УСЛОВИЯХ ФРОНТОВОГО ТЫЛА И ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ ЛЕЧИЛ, СТРОИЛ, ВОСПИТЫВАЛ ДЕТЕЙ. ВСЕХ – УШЕДШИХ И ЕЩЁ ЖИВУЩИХ. ВЕДЬ ИХ ЖИЗНИ И ПОДВИГИ – БЕСЦЕННЫЕ КРУПИЦЫ БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ.

Он был защитником Брестской крепости: **Рухлядьев Дмитрий Петрович**, сержант 455 стрелкового полка 42-й Смоленской Краснознамённой орденов Кутузова и Суворова стрелковой дивизии. В армию был призван из Вятки, в 1940 году. Служить в Брестский бастион пришёл после окончания полковой школы пулемётчиков, в мае 41-го. С гордостью послал домой фотографию: «На память дорогой маме от сына Мити, г. Брест». Ему там всего лишь неполных двадцать. И судьба сложилась так, что мирной жизни, службы в крепости было у него всего лишь полтора месяца.

ВСЕМ БЫЛО ЯСНО: ЭТО ВОЙНА

В тот субботний июньский вечер, когда после трудового дня на строительстве укреплений, тренировок на полигоне в крепости наступила благодатная пора отдыха, кто-то шёл в увольнение в город, в кино с девушкой или на футбольный матч, он решил просто поспать. Зашёл в казарму, лёг на свою кровать, укрылся с головой от звуков улицы...

Но сон не шёл. На сердце было неспокойно. Из головы не выходила беседа политрука с ротой о том, что Европа уже в огне, что гитлеровцы разгуливают по оккупированной польской земле. А мы, наши крепостные форты, всего-то в десятках километров от границы, и нам надо быть начеку. Однако вздремнул. Снились дом, родные, цветущий сад...

Разбудил его оглушительный взрыв и последовавшая за ним сильная боль в позвоночнике. Взрывная волна разбросала железные койки, словно лёгкие детские игрушки, раскидала отдыхающих в казарме людей, послышались стоны раненых, полыхнуло пламя. Охваченные огнём люди, будто горящие факелы, выскакивали на улицу, катались по земле, сбивая пламя. Красноармейцы (кто успевал) хватали оружие, уцелевшую одежду и бежали сквозь пламя в подвал, помогая по пути горящим на земле товарищам. Гул самолётов с фашистской свастикой на крыльях, бомбивших укрепления, и удары артиллерийской канонады нарастали с каждой минутой. Неумолимой вереницей на крепость надвигались танки, взлетала ввысь подорванная снарядами земля. Окружающее пространство за какие-то минуты превратилось в крошечный ад. Всем стало ясно: это – война.

ОКРУЖЕНИЕ

Здание заставы было разрушено в первые же часы вероломного нападения Германии на Советский Союз. И первыми приняли бой с врагом пограничники, встав на его пути мощным заслоном. Уцелевшие после начальной штурмовой бомбардировки красноармейцы, лёжа в развалинах крепости, огнём отбивали все попытки врага проникнуть в бастион через Тереспольские ворота. Бойцы обороняли этот, очень важный, участок, взав который немцы могли перейти по понтоному мосту реку Буг и окружить гарнизон. Несмолкаемая канонада слышалась и с южного форта, дру-

гих укреплений. Немцы неумолимо сжимали кольцо вокруг цитадели.

К утру 23 июня, когда рассеялся дым пожаров, солнце осветило поле с мёртвыми пограничниками, сражёнными у своих пулемётов. И лишь изредка слышались стоны живых, но тяжело раненых. Оставшиеся в живых бойцы его (Рухлядьева) подразделения по одному, под прикрытием огня товарищей, проскочили в уцелевший подвал, забрав с собой раненых. И там, увидев голодных и мучающихся от жажды детей, гражданских жителей – служащих и работников крепости, членов семей офицеров – под прикрытием пулемётов пробрались к реке, набрали воды и принесли её людям.

Вскоре стало ясно, что крепость всё же взята в кольцо, а фронт зна-

Трижды выживший

«А когда не станет горя и в помине, Вспомним тех, кто счастье это нам принёс...»

Дмитрий Рухлядьев за месяц до начала войны

чительно удался. Люди поняли, что они во вражеском окружении. Немцы тут же подтвердили эту догадку: заработали громкоговорители, фашисты предлагали всем сдаться, обещали сохранить жизнь.

КРЕПОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

Раненые умирали от нехватки лекарств, без воды умирали маленькие дети. А с линии обороны возвращалось всё меньше солдат. Голод сковывал сознание, и подступы к Бугу немцы простреливали круглосуточно. Крошился камень, и горела земля. У защитников крепости не было другого выхода, чтобы сохранить жизни женщин, детей, стариков и раненых солдат, кроме одного: согласиться на их пленение. Командиры раставались со своими подругами и детьми, заведомо зная, что больше никогда их не увидят.

Прощаясь с женой, матерью и тремя детьми, старший офицер группы А.М. Кижеватов сказал: «Отправляю вас ещё позить. За меня не беспокойтесь, в плен не попаду. В тяжёлую, безвыходную минуту не забуду оставить себе пулю».

Из архивных документов следует, что фашистскими палачами была зверски расстреляна семья героя обороны крепости, начальника 9-й заставы А.М. Кижеватова. Остальные плененные направлены в разные лагеря, расположенные на территории Польши и Германии. Раненые расстреляны. Добиты были и остальные раненые, находящиеся в подвале: фашисты подогнали совсем близко танк и направили огнём прямо в подвал. Сражаясь до последнего патрона, пал смертью героя начальник 9-й заставы. Основная масса защитников крепости погибла.

Супруги Рухлядьевы в Бресте, 1978 г.

Как они сражались! «Люди ль шли в атаку? Смертны ли они?!» – напишет после войны Василий Гроссман о наших героях, и эти его слова будут выгравированы у Вечного огня ещё одного легендарного памятника бесстрашию героев – Мамаева кургана.

Жуткого вражеского напора не выдерживал бетон, крошился и плавился кирпич, гнулся металл, а люди стояли, одну за другой отражая гитлеровские атаки. Стояли и умирали, отрезанные от мира, мучимые жаждой и голодом, но с решимостью не пустить на свою землю оккупанта! Из трёхсот бойцов и офицеров девятой погранзаставы, сражавшихся за Тереспольское укрепление, в живых остались лишь 15 человек.

Около месяца длилась героическая оборона Брестской крепости. Даже циничный и жестокий противник был потрясён мужеством её защитников. В одном из немецких донесений штаба группы армий «Центр» говорилось: «Офицеры и солдаты всегда оборонялись до последней минуты. Требование о сдаче... не оказывало на русских никакого воздействия».

Да, это была крепость людского духа.

БУГ

Пулемётчик Дмитрий Рухлядьев не помнит, когда случилось именно его пленение. Или это произошло, когда несколько фрицев, взмахнув руками, свалились с бруствера перед ним на землю (может, и не убитые им все?), или когда была им использована последняя пулемётная лента, и он, в надежде увидеть однополчанина с запасной лентой, оглянулся? Заполненные песком глаза, огонь вспыхивал, во рту пересохло от жажды, дыхание сбивалось, а руки продолжали трястись, как в пулемётной очереди нагретого «Максима»...

Он не помнит, потому что был тяжело контужен разорвавшимся ря-

шал, но видел всю эту картину. Его не тронули, оказался крепким на вид. Однако душу его медленно и настойчиво замораживало безразличие: «Лучше бы пристрелили. Пропали он пропадом, их проклятый плен!».

Отбрав группу, немцы отвезли бойцов на берег Буга, погрузили на самоходную баржу, уже почти заполненную людьми – трудно было даже найти свободное место. Через некоторое время баржа двинулась в путь. Но не успела даже войти в глубокие воды – только-только отчалила от берега, как налетели немецкие бомбардировщики и стали молотить снарядами берег, захватив и баржу – даром, что над её рубкой была начертана опознавательная свастика.

Подбитый край баржи резко накренился, оставляя на поверхности тела убитых и заставляя оставшихся прыгать в воду. Вода уже кишела человеческими телами – и пленными, и немецкой охраны. Воронка от тонущей баржи затягивала со страшной силой, надо было скорее отплыть от неё в сторону. Бомбардировщики же на этом не утомлялись. Сделав второй, а потом третий заход, они стреляли прямо по барахтающимся в воде людям.

«МНЕ ПОДМЕНИЛИ ЖИЗНЬ»

Очнувшись он вновь у немцев. Подумал: «Надо же, второй уже раз я – выживший: сначала крепость, теперь вот Буг». Болел и кровил бок: тащили к берегу баграми – спасали, то есть. След от этого багра остался у него отметиной на всю жизнь.

Ну а потом был долгий путь в ... Норвегию. Разве думал он когда-то, что увидит её знаменитые фьорды из малоосенного окна корабельного трюма, а красоты сытой европейской жизни – в щёлочку вагона товарного поезда? И провёл он в этой промозглой, неприветливой стране,

«Офицеры и солдаты всегда оборонялись до последней минуты. Требование о сдаче... не оказывало на русских никакого воздействия»

дом снарядом, и сознание вернулось к нему не сразу. Помнит только, как очнулся, оглохший, одуревший от звона в голове и боли, во дворе крепостной площади, где уже вовсю хозяйничали гитлеровцы.

Сначала их затащили в уцелевший подвал. По рядам с немецкой педантичностью разложенных и рассаженных людей прошёлся доктор. Пальцем указал на тяжело раненых. В них тут же стреляли и оттащивали их тела в сторону. Рухлядьев, хоть и ничего не слы-

шал, но видел всю эту картину. Его не тронули, оказался крепким на вид. Однако душу его медленно и настойчиво замораживало безразличие: «Лучше бы пристрелили. Пропали он пропадом, их проклятый плен!».

Домой вернулся уже после войны, когда норвежцы, согласно междуна-

родной конвенции, освободили все лагеря, созданные немцами на их территории с их согласия.

Приехал в родной Нолинск. Без зубов, с ранней сединой в волосах, неутраченной болью в суставах. Сказал родным: «Принимайте. В третий раз я – выживший. Теперь уже после плена. Хорошо хоть туберкулёз вам не принёс из той, заграничной, жизни».

Родные-то приняли с любовью и заботой. А вот город, общество... На бывших пленников смотрели в то послевоенное время искоса, на работу брать не спешили. Они, как и увечные инвалиды, не были нужны нигде.

Однажды прочёл в какой-то книге: «Мне подменили жизнь. Река ушла в другое русло. О, сколько берегов я пропустил!». С горечью подумал: «Это – обо мне».

Отчаиваться, однако, не стал. На самые-то чёрные работы всё равно брали, свой кусок хлеба потихоньку зарабатывал. А когда переехали всей семьёй на Урал, в Нижнюю Туру, тут уж и вовсе сердце освободилось от обиды. Уютный, зелёный уголок, приветливые люди, приютившие в войну чуть ли не треть страны. Сначала без слов взяли на стройку, пошёл учиться на электрика, а потом приняли аккумуляторщиком на машиностроительный завод, дорос до мастера. Было уже чем кормить семью – жену и двоих детей, вернулась уверенность в себе. А когда пришли документы о реабилитации и награды – воспрянул духом окончательно.

«ДОРОГОЙ ФРОНТОВОЙ ДРУГ!»

Пришли: медаль Жукова – «за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в боевых действиях с немецко-фашистскими захватчиками», орден Отечественной войны II степени, дорогой ему Памятный знак ветерана 42-й Смоленской дивизии, Памятный знак в ознаменование 25-летия Победы – «за доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне», очень тёплое благодарственное письмо из Белоруссии: «Высокий пример мужества, стойкости, патриотизма всех ветеранов Великой Отечественной и Ваш лично будет вдохновлять и учить нынешние и грядущие поколения...», – с бинием сердца прочёл тогда.

Но ещё милее и дороже были ему приходящие все эти годы письма однополчан, многочисленные приглашения Советов ветеранов разных городов и, конечно, Бреста, на встречи в честь юбилеев Победы... «Дорогой фронтовой друг!» – писали они. – Приезжай к нам! Обнимаемся, вспомним войну, бой за нашу твердыню у Буга, нашу дружбу, помянем ушедших. Хотя и развели нас по разным государствам, но сила наша в братстве и единстве! Будь здоров, живи долго и счастливо!».

И он ехал, встречался, отдавал дань уважения, скорби и восхищения своим и не своим однополчанам, возлагал цветы на могилы погибших, говорил с молодёжью, слушал салюты у Вечного огня каждого из городов, в которых побывал. Понимал: не зря он трижды выжил. Судьба уберегла его, чтобы он нёс правду о войне в новую жизнь. Всю правду, без прикрас.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ РУХЛЯДЬЕВ умер в октябре 2011 года. Но он, как и многие тысячи героев войны, переживших её удачу и невзгоды, не ушёл из нашей памяти. Вот уже который год подряд он «становится в строй» «Бесстрашного полка», открыто глядя с портрета: интеллигентный, сдержанный человек с чувством непокорённого достоинства.

Наталья КОЛПАКОВА
Фото из семейного архива
Д.П. Рухлядьева

(Благодарю двоюродную племянницу Д.П. Рухлядьева И.В. Манькову, сотрудницу комбината «Электрохимприбор», за предоставленные фото, документы и рассказ о дяде)